

ЕЛЕНА ВОЛОВОДОВА,

кандидат социологических наук, заведующая сектором проблем экономической социологии Института экономики промышленности НАН Украины, Донецк

АЛЕКСАНДР КАСПЕРОВИЧ,

младший научный сотрудник сектора проблем экономической социологии Института экономики промышленности НАН Украины, Донецк

О социокультурной специфике субъектности территориальной общины: организационный аспект

Abstract

There are presented theoretical and methodical bases for study on organizational structure of territorial community as a subject of local authorities; the authors use social, cultural and synergetic paradigms. The article includes the data of empirical research on social and cultural features of organizational structure of Ukrainian territorial community. There are revealed the social and value forms determining social and cultural features of community's organizational structure.

Согласно действующей Конституции (1996) и Закону “О местном самоуправлении в Украине” (1997), первичным субъектом местного самоуправления в Украине является территориальная община. Однако де-факто она в этом качестве, по мнению ученых и практиков, еще не сформировалась¹, представляя собой территориальную общность, которая состоит из неорганизованного населения, неспособного выступать в роли коллективного субъекта.

¹ См. об этом, напр., материалы круглого стола [1].

Специалисты отмечают, что в стране идет поиск такой модели организации местной власти, которая бы соответствовала как социокультурной специфике, так и современным мировым и европейским демократическим требованиям. Однако этот процесс проходит достаточно сложно и противоречиво [2, с. 5–6], во многом определяется идеологическими, политическими и иными предпочтениями реформаторов, а не научно обоснованным подходом. Так, до недавнего времени в Украине осуществлялся постепенный переход от авторитарно-бюрократической к либерально-консервативной модели местного самоуправления [3, с. 22]. В результате территориальная община получила статус первичного субъекта местного самоуправления на основе англосаксонской “общинной” теории, характерной для развитых протестантских стран Запада с децентрализованной системой власти. По мнению председателя Фонда содействия местному самоуправлению в Украине Н.Пухтинского, территориальную общину на первое место поставили неслучайно. Необходимо было отказаться от традиционных представлений о “единственно возможной” советской модели организации власти, основанной на принципе демократического централизма, который не имел ничего общего с демократией. Таким образом, “на доктринальном, а также на конституционном, законодательном уровнях приоритетом стала так называемая “общинная” теория местного самоуправления” [4, с. 46]. Другие авторы также отмечают, что принятие в Украине “общинной” теории “объясняется прежде всего стремлением отойти от основ так называемого советского строительства...” [5, с. 50].

В связи с намерением политического руководства страны интегрировать Украину в Европейский Союз в последнее время предпочтение отдается либерально-демократической модели развития. В этой ситуации одной из задач Верховной Рады является “...пересмотр национального законодательства в области местного самоуправления и его согласование с европейским законодательством, прежде всего, с законодательством Евросоюза” [6, с. 31]. Как известно, в рамках Европейского Союза действует Европейская хартия местного самоуправления, основанная на “государственной” теории местного самоуправления. Согласно Европейской хартии, местное самоуправление рассматривается как право местных властей, а не территориальной общины [7].

При избрании в качестве эталона той или иной модификации западной модели местного самоуправления украинскими реформаторами не учитывается то обстоятельство, что сближение различных правовых культур возможно только в случае их единства в понимании основополагающих вопросов, прежде всего, существа личности [8, с. 119]. Игнорируется тот факт, что духовная оценка личности существенно отличается в разных культурах — западной и незападных, к которым принадлежит Украина. Не осознается, что, несмотря на имеющиеся различия между основными теориями местного самоуправления — “общинной” и “государственной”, заключающиеся в степени размежевания общественных и государственных интересов, обе они основываются на признании приоритета прав и свобод самодостаточной личности, руководствующейся принципами индивидуализма и гражданского общества [8, с. 56–70], то есть таких социокультурных предпосылок, которые в Украине отсутствуют.

Локальные территориальные общности советского образца, в течение 70 лет являвшиеся объектом государственного управления, получили в

Украине статус субъекта самоуправления в результате заимствования западной автономной ассоциативной модели территориальной общины. Эта модель базируется на характерных для Запада социокультурных механизмах, нашедших, в частности, отражение в социально-философской доктрине субсидиарности, согласно которой в триаде личность—общество—государство высшей ценностью и самодостаточностью обладает личность. В соответствии с западной моделью общины, ее интересы и права (в результате делегирования гражданами части своих полномочий общине на основе принципа субсидиарной ответственности) фактически автономны и противопоставлены власти государства. Эта модель имеет специфический организационный механизм практического воплощения, благодаря которому граждане осуществляют свое право на самоорганизуемую деятельность. Они могут по собственной инициативе создавать для реализации своих интересов, как индивидуальных, так и групповых (социальных, экономических, культурных, профессиональных, этнических, соседских и пр.), различные негосударственные некоммерческие объединения (НГО), конкурирующие между собой за ресурсы. В то же время для защиты интересов, общих для всех членов общины, НГО могут объединяться и выступать в качестве коллективного (ассоциированного) субъекта деятельности (представленного горизонтальной сетевой структурой) на основе партнерского договора с другими субъектами — с бизнесом, а также с властью (горизонтальная координация и сотрудничество с ними).

Общественная потребность в самоуправлении, воспроизводстве и развитии на локальном уровне вызревает в Украине в совершенно иных исторических, социокультурных и прочих условиях, чем в странах Запада. Несмотря на это, при избрании в качестве образца западной модели территориальной общины богатый отечественный опыт специфической локальной самоорганизации и территориального самоуправления был проигнорирован. В частности, не были приняты во внимание такие самобытные формы самоуправления, практиковавшиеся в Украине, как вечевое правление, общинное и казацкое самоуправление, с характерными для них горизонтальными сетями взаимоотношений. Оказалась непонятой природа и значимость современной практики самоорганизуемой деятельности населения в рамках специфической горизонтальной сети общественного самоуправления — советов и комитетов микрорайонов, домовых, уличных, квартальных, поселковых комитетов, репрезентирующих интересы соседских сообществ. Корни этой сети, как представляется, — в сотенной системе управления периода вечевого строя Киевской Руси¹. В 2001 году общественные комитеты самоуправления всех видов были включены в качестве низшего звена управления в систему местного самоуправления и утратили статус общественных [10]. Вне поля зрения реформаторов оказалась также традиционная для Украины самоорганизуемая деятельность населения на основе взаимопомощи в рамках неформальных соседских групп².

1 О сотенной системе управления см., напр.: [9, с.77].

2 См. об этом, напр.: [11, с.24].

Неудачи преобразования территориальной общности в общину как коллективный субъект самоуправления на основе использования западной модели обуславливают необходимость отказа от упрощенного подхода к ее трансформации и игнорирования отечественных традиций и собственной социокультурной специфики (самобытности). Речь должна идти не о прямом заимствовании западных образцов организации жизнедеятельности общин, а о выявлении и организационном оформлении их функциональных аналогов, способных обеспечить выполнение соответствующих функций территориальной общины, но при этом адекватных украинской социокультурной специфике. При такой постановке вопроса возможно действительно эффективное использование богатого западного опыта организации общинной жизни. Он полезен, в первую очередь, тем, что может служить исходной точкой анализа, направленного на выявление тех областей, в которых община способна проявить себя как реальный субъект деятельности. Необходимы исследования, обеспечивающие рационализацию поиска, выбора и использования социальных и экономических механизмов, организационных форм, управленческих технологий и иных способов и средств реализации местного самоуправления и соответствующего им правового обеспечения, органично отвечающих условиям собственной страны, и в то же время учитывающих универсальные закономерности и тенденции изменений локальных сообществ в глобализирующемся мире. Представляется целесообразной разработка альтернативных теорий и систем местного самоуправления, способных дополнить или заменить западную модель местного самоуправления. Это тем более актуально, если учесть тенденцию имитации западных институтов модернизирующимися странами, вследствие чего здесь на глубинном уровне практически не наблюдается сходства с тем, что считается базовыми принципами западной демократии.

В процессе обретения субъектности территориальная общность, по нашему мнению, будет стремиться к реализации некоторой собственной социокультурной модели посредством специфически организуемой (самоорганизуемой) деятельности. Исследование этой деятельности позволит выявить существенные проявления субъектности украинской территориальной общины.

Особый интерес представляет самоорганизуемая деятельность, практикуемая в территориальных общностях депрессивных территорий¹. Полагаем, что социокультурная специфика наиболее отчетливо проявляется именно здесь. Это связано с тем, что, как отмечает П.Штомпка, стагнация или кризис немедленно оживляют традиции. В трудные времена люди обращаются к опыту предков [12, с. 99].

Теоретико-методологической основой нашего исследования являлись синергетический и социокультурный подходы, используемые как взаимодополняющие.

В рамках синергетического подхода реформаторская деятельность по преобразованию территориальной общности в общину рассматривается

¹ В управленческой практике в качестве депрессивной рассматривается территория, уровень развития которой по определенным показателям значительно уступает средним показателям в стране.

“...не как произвольное сочетание и перераспределение элементов инертного социального материала по какому-то измышленному проекту, а как инициирующее возбуждение среды субъектом и последующее самовыстраивание и самодостраивание структуры (в соответствии с внутренними потенциями среды) в направлении к одному из аттракторов...” [13, с. 44]. Конечное состояние, то есть обретение территориальной общностью качеств субъекта деятельности не может быть задано извне, поскольку “...в среде потенциально содержатся определенные архитектуры структур, и лишь соответствующее этой архитектуре воздействие имеет надежду на успех” [13, с. 49]. Субъектность общины может сформироваться только в процессе ее самоорганизации, самодвижения в соответствии с собственной внутренней логикой. Внешний субъект способен лишь инициировать и поддерживать процесс трансформации общности в общину. Эффективность этого воздействия будет определяться степенью его соответствия внутренней логике самодвижения системы. “Если управляющим усилием, в момент образования самоорганизующихся структур, подтолкнуть их в нужном направлении, то самоорганизация многое достроит сама” [14, с. 76]. “Существует путь многократного сокращения временных затрат и материальных усилий, путь резонансного возбуждения желаемых и — что не менее важно — реализуемых в данной среде структур” [13, с. 41]. Однако для того, чтобы найти и реализовать такой путь, необходимо знание “эволюционных правил запрета”, того, что в принципе нельзя осуществить в данной системе [13, с. 40].

Поскольку качества субъектности общины проявляются в ее организационном строении, имеющем определенную социокультурную специфику, исследование процессов общинной самоорганизации осуществлялось на основе социокультурного подхода. В его рамках общество понимается как единство культуры и социальности [15, с. 3]. Поэтому первичное локальное сообщество — община также рассматривалась во взаимосвязи культуры и социальности.

“Социокультурный подход акцентирует внимание на глубинных и устойчивых социально-ценностных структурах, задающих объективные границы для трансформации..., выявляет социокультурные основания, позволяющие объяснить отклонения хода реформ от планов”. Он дает возможность определить неизбежно существующие социокультурные ограничения, “...которые обуславливают сопротивление или принятие тех или иных культурных образцов” [16, с. 27].

С позиций синергетического и социокультурного подходов территориальная община представляет собой открытую самоорганизующуюся социальную систему, являющуюся носителем определенной социокультурной специфики. Как коллективный субъект деятельности она состоит, в свою очередь, из других субъектов — индивидуальных (отдельные активные жители) и коллективных (негосударственные некоммерческие общественные организации (НГО), соседские группы и другие самоорганизующиеся микроструктуры). Эти субъекты рассматриваются в качестве структурных элементов общины. Они взаимодействуют как между собой, так и с другими субъектами, действующими на территории общины (власть, бизнес и др.). В процессе взаимодействия между ними может складываться та или иная система взаимосвязей — горизонтальных (субъект-субъектных) либо вертикальных (субъект-объектных) — и взаимоотношений — равноправных

(партнерских) либо отношений зависимости и подчинения (патрон-клиентских). Особенности взаимосвязей и взаимоотношений, возникающих между структурными элементами общины, отражают ее социокультурную специфику как коллективного субъекта.

Территориальная община возникает и изменяется в результате использования ее членами, руководствующимися теми или иными ценностями в рамках определенной системы их взаимосвязей, взаимодействия и отношений, различных способов, форм, средств социальной активности/деятельности.

Под субъектностью территориальной общины понимается ее способность к самостоятельному (автономному) воспроизводству на собственной социокультурной основе различных способов, форм, средств социальной активности/деятельности, направленных на удовлетворение потребностей членов общины.

Органичная трансформация и обретение общиной качеств субъектности не могут быть обеспечены внешними усилиями реформаторов на основе заимствованной модели, так как содержание субъектности детерминировано эндогенными устойчиво воспроизводящимися социально-ценностными регуляторами (структурами/механизмами). В то же время оно обусловлено конкретно-историческими условиями и имеет динамический характер.

Целесообразным представляется выделение двух основных типов субъектности.

1. Ситуативная/реагирующая субъектность складывается под влиянием того или иного внешнего фактора. Те из членов общины, для которых воздействие данного фактора является значимым, могут образовать некий субъект деятельности, взаимодействующий с ним. Этот субъект возникает как реакция, ответ на некоторую ситуацию и до ее появления не существует. Предмет деятельности субъекта не является результатом сознательного выбора, а фактически “предъявляется” ему ситуацией. Субъектность такого типа существует за счет “энергии” внешнего фактора и, в этом смысле, полностью зависит от него. Когда его действие прекращается или устраняется усилиями субъекта, ситуативный субъект распадается.

2. Устойчивая/автономная субъектность возникает в случае, когда центр, вокруг которого структурируется самоорганизуемая деятельность субъекта, находится “внутри” самого субъекта (формируется им по собственной инициативе). Устойчивая субъектность воспроизводится субъектом самостоятельно и не требует “внешней” причины для своего существования. Устойчивый субъект сам выбирает предмет своей деятельности, в соответствии с принятыми приоритетами.

Устойчивая субъектность — это системное свойство, обретаемое общиной только в процессе органичного саморазвития на собственной социокультурной основе. По мере продвижения от общности к общине увеличивается удельный вес устойчивых форм самоорганизуемой деятельности (как проявлений устойчивой субъектности).

Различие между типами субъектности является принципиально важным для оценки способности субъекта к стратегическому действию. Ситуативный субъект может достаточно эффективно решать ограниченный круг проблем, однако реализовывать стратегические планы и противостоять системным угрозам способен только устойчивый субъект.

Социокультурная специфика общины как коллективного субъекта и, в частности, ее структурное оформление определяются особенностями активности/деятельности (организационными формами, содержанием и т.д.) тех ее структурных элементов, которые обладают наибольшей степенью устойчивости. Фактически именно эти элементы лежат в основе структурно-функциональной организации общины. Поэтому особенности взаимосвязей и взаимодействия внутри общины во многом зависят от процессов, происходящих в наиболее устойчивых структурных элементах. Таким образом, для обретения территориальной общиной устойчивой субъектности необходимо, чтобы в основе ее структуры лежали наиболее устойчивые элементы (в дальнейшем — первичные структурные элементы). Именно они способны образовать наиболее устойчивые горизонтальные сети взаимодействия и взаимоотношений.

В целях поиска функциональных аналогов западных общинных структур необходимо выявление первичных структурных элементов украинской общины, которые способны выступить в роли катализатора процесса организационного оформления общины и ее становления в качестве субъекта деятельности. Скорее всего, в Украине таким элементом может стать соседское сообщество. Его особая роль не видна сквозь призму используемой западной ассоциативной модели общины, но она ясно просматривается в исторической ретроспективе¹.

Анализ самоорганизуемой деятельности населения в рамках соседских сообществ (то есть по месту жительства) позволяет выявить первичные структурные элементы украинской территориальной общины, образующие центральное звено происходящих в ней процессов социальной самоорганизации и определяющие ее социокультурную специфику.

Самоорганизация граждан по месту жительства рассматривалась в исследовании как процесс возникновения и развития организационных структур, в рамках которых осуществляется взаимодействие членов соседских сообществ, направленное на решение проблем, защиту интересов и удовлетворение индивидуальных и групповых потребностей их членов. Это взаимодействие инициируется на основе внутренних потребностей самого соседского сообщества и осуществляется его членами как самостоятельно (за счет собственных ресурсов), так и благодаря привлечению внешних ресурсов посредством сотрудничества с другими акторами (аналогичными организационными структурами, властью, бизнесом и др.). Отличительной чертой такого вида самоорганизации является то, что эти структуры возникают и существуют за счет энергии/активности самих соседских сообществ (групп), и участие в их деятельности является полностью добровольным. Данный вид самоорганизации особенно важен для выявления социокультурной специфики субъектности.

Под самоорганизуемой деятельностью общины понималась добровольно осуществляемая ее членами индивидуальная и коллективная деятельность, обусловленная принадлежностью к данной общине и направленная на удовлетворение тех или иных потребностей ее членов. Самоорганизуемая деятельность общины — ключевой признак наличия у нее качеств субъек-

¹ См. об этом, напр.: [11, с.21–25].

ектности и основное проявление этой субъектности. Эта деятельность всегда осуществляется в рамках определенных структурно-функциональных образований (организационных форм). Именно эти образования и являются носителями коллективной субъектности. Поэтому выявление и анализ специфических форм самоорганизуемой деятельности общины необходимы для изучения субъектности территориальной общины как целостной социокультурной системы. Другими словами, в контексте синергетического и социокультурного подходов исследование самоорганизуемой деятельности является наиболее важным источником информации о субъектности территориальной общины.

Как уже отмечалось, первичным структурным элементом западной ассоциативной модели общины являются самоорганизующиеся негосударственные некоммерческие объединения граждан (НГО). Они создаются по их собственной инициативе для реализации индивидуальных, групповых, а также общих для всех членов общины интересов.

В процессе взаимодействия (посредством как конкуренции, так и сотрудничества) множества самоорганизующихся структур (субъектов деятельности) между ними устанавливаются и реализуются равноправные субъект-субъектные отношения в рамках горизонтальных сетей. Выступая в качестве коллективного (ассоциированного) субъекта, эти самоорганизующиеся структуры на основе партнерского договора с властью и бизнесом (горизонтальной координации и сотрудничества) обеспечивают баланс индивидуальных, групповых и общих для всех членов общины интересов, ее воспроизводство и устойчивое развитие.

Ассоциативная модель общины основывается на гетерогенной социальной структуре с характерной для нее высокой социальной мобильностью и дифференциацией на группы интересов (социальные, экономические, культурные, этнические, профессиональные, возрастные, соседские и др.), представляемые многочисленными НГО.

Становление городского сообщества — общины — имеет определенный индикатор. Это “число клубов, объединений, обществ, образуемых горожанами, — на 1 000 или 10 000 жителей. Среднеевропейский показатель числа некоммерческих и неконфессиональных гражданских объединений на 1 000 жителей составляет, в среднем, от 40 до 60” [17, с. 190].

В советской модели власти, где государство являлось субъектом управления и развития территорий, а территориальные общности — бессубъектными структурами, источником ресурсов для промышленности, реализовывались субъект-объектные отношения “вертикальной иерархии”, господства–подчинения. В условиях ограниченной социальной мобильности социальная стратификация населения территорий осуществлялась на основе промышленного разделения труда в интересах государства. Население дифференцировалось на социально-профессиональные (отраслевые) социально неоднородные группы, которые в большей степени были привязаны к своим предприятиям, чем к территориям проживания. Группы общественных интересов отсутствовали. Существовавшие немногочисленные общественные организации (комсомол, профсоюз, ДОСААФ, ОСВОД, Общество Красного Креста, общество ветеранов войны и труда и др.) действовали в интересах государства. Гражданских структур (субъектов развития), характерных для западных общин, НГО, способных выразить и защи-

щать интересы граждан и побуждать местную власть к их удовлетворению, не было.

Согласно замыслу реформаторов, проводимые в Украине радикальные преобразования должны были изменить систему социальных отношений, в частности привести к дифференциации социальной структуры на группы интересов. В результате этого на локальном уровне ожидалось появление множества самоорганизующихся негосударственных некоммерческих структур — НГО, которые, как предполагалось, в итоге станут, как и в западных странах, ассоциированным субъектом общинного самоуправления и развития.

С учетом вышесказанного в качестве объекта исследования были избраны территориальные общности двух расположенных в черте г. Донецка депрессивных поселков, которые пострадали от закрытия шахт. Его предметом являлась самоорганизующаяся деятельность, практикуемая членами этих общностей. Цель заключалась в выявлении социокультурной специфики самоорганизующейся деятельности, что необходимо для рационализации и активизации процесса трансформации территориальной общности в общину как субъект деятельности и саморазвития. Методом интервью по репрезентативной выборке были опрошены члены домохозяйств в возрасте от 16 лет и старше: в поселке №1 — 350 человек, в поселке №2 — 351 человек.

Результаты исследований, выполненных в территориальных общностях депрессивных поселков, свидетельствуют о том, что социальная самоорганизация осуществляется здесь по собственному, отличному от западного сценарию.

Это объясняется прежде всего тем, что процессы социальной стратификации территориальных общностей на основе многоукладных отношений собственности и формирования новой социальной структуры находятся в начальной стадии. Население поселков, пострадавших от закрытия шахт, по-прежнему экономически во многом зависит от государства. Об этом, свидетельствуют преимущественно государственные источники доходов семей респондентов. Прежде всего, это различные виды пенсий (в семьях более чем двух третей опрошенных) и заработок на основном месте работы (в семьях свыше половины опрошенных), главным образом на государственных предприятиях в сфере тяжелой промышленности¹, а также различные социальные пособия и выплаты (в семье каждого четвертого–пятого участника опроса). Денежные доходы из негосударственных источников (торговля на рынке, продажа выращенной сельхозпродукции, платные услуги населению, “челночный” бизнес, производство товаров на продажу) имеют в семьях лишь каждого пятого участника опроса. Абсолютное большинство респондентов (до 97%) считают себя неимущими или малообеспеченными (по данным, полученным на основе самооценки их семейных доходов). Представляется, что в обследованных территориальных общностях, скорее всего, происходит поляризация социальной структуры на малоимущее большинство и богатое меньшинство, как и в целом в Украине. Формирование гетерогенной социальной структуры территориальных общностей, отличающейся высокой социальной мобильностью, в ближайшей перспективе весьма проблематично.

¹ Об этом косвенно свидетельствуют данные исследования о структуре занятости трудоспособных жителей поселков.

Таким образом, в территориальных общностях депрессивных поселков пока не сформировалась социальная структура, дифференцированная на основе экономических факторов на различные социальные группы с характерными для них интересами, которые обуславливают появление самоорганизующегося неправительственного сектора гражданской активности — НГО.

В деятельности общественных организаций в обоих поселках активно участвуют 4–5% жителей. Однако количество активистов, состоящих в организациях нового типа, характерных для гражданского общества (экологическое объединение, профессиональная ассоциация, студенческое общество, спортивный клуб и др.), еще меньше.

Данные других источников также свидетельствуют о том, что в общественной работе участвует не более 5% населения (в целом по Украине). Причем свыше 80% членов НГО состоят в нетипичных для гражданского общества организациях [18, с. 255]. Результаты исследования Центра им. Разумкова подтверждают, что в активную общественную деятельность вовлечено около 5% граждан Украины, а подавляющее большинство людей не испытывают в ней потребности (Зеркало недели. — 2002. — 26 октября). В целом в Украине (по данным 2001 года) насчитывается около 25 тысяч НГО [19, с. 23], что не соответствует стандартам гражданского общества.

Исследователи отмечают, что в обществе существует “аллергия” на разные формы общественных организаций, так как их преимущественно отождествляют с функцией контроля, и на их помощь с этой стороны мало кто всерьез рассчитывает [20, с. 13].

Несмотря на невовлеченность жителей в общественную работу в составе общественных организаций нового типа, значительная их часть (примерно две трети в поселке №1 и около половины в поселке №2) участвовала в последние год-два в самоорганизуемой деятельности в составе неформальных групп, состоящих из проживающих отдельно родственников, друзей, знакомых, соседей. Это была реакция людей на возникающие экстремальные ситуации, связанные с ликвидацией учреждений ведомственной социальной инфраструктуры¹ (от двух третей до трех четвертей опрошенных обменивались услугами), с антисанитарным состоянием территории (от 20% до 28% респондентов занимались ее благоустройством), с авариями в коммуникационных системах (примерно каждый четвертый участник опроса из поселка №1 и каждый седьмой из поселка №2 выполняли различные ремонтные работы) и др. Совместная деятельность затрагивала также сферу досуга: каждый третий–четвертый респондент участвовал в коллективном праздновании знаменательных дат и т.п. Неформальная коллективная самодетельность, связанная с получением денежных доходов, не нашла сколько-нибудь существенного развития. Так, в выполнении платных работ и услуг по месту жительства, торговле и “челночном” бизнесе участвовали, по данным опроса, всего лишь 2–3% респондентов.

В обоих поселках в ходе исследования были выявлены неформальные соседские группы и объединения. Так, в состав одного из них входило около

¹ Вместе с шахтами были ликвидированы здравпункты, бани, парикмахерские, столовые, детские сады и оздоровительные лагеря, дворцы культуры, библиотеки, спортзалы, жилищно-эксплуатационные управления и другие учреждения.

60 человек. Они проживали на трех улицах, с общей численностью жителей примерно 150 человек. Члены этого объединения (как и других) организовывали досуг детей, осуществляли охрану общественного порядка, обменивались услугами и т.п.

Детальное рассмотрение практики взаимных услуг показало, что чаще всего соседи оказывают друг другу услуги, которые не требуют высокой квалификации (от 10% до 30% участников опроса). В их числе — одалживание денег, предоставление для пользования книг и кассет, продуктов, вещей, приобретение медикаментов, продуктов и товаров, мелкий ремонт жилья, уход за больными и престарелыми соседями, сопровождение их в медицинские учреждения и др. Более квалифицированные услуги (ремонт различных видов техники, обуви, пошив и ремонт одежды и др.) предоставлялись гораздо реже (от 1% до 9% респондентов).

Весьма вероятно, что в реальной жизни перечень услуг, оказываемых жителями поселков друг другу на некоммерческой основе, гораздо больше, чем 29 видов, выявленных в ходе исследования. Было установлено, что чаще услуги получают те люди, которые их сами оказывают. Это говорит о том, что, видимо, существует некий баланс между социальными затратами и результатами в данной сфере самоорганизуемой общественной деятельности.

Развитая практика обмена услугами свидетельствует не только о дефиците услуг и отсутствии у жителей возможностей для их получения. Это говорит также о наличии благоприятных предпосылок для создания нового социального учреждения — центра взаимной социальной помощи. Большинство опрошенных (71% в поселке №1 и 62% в поселке №2) полагают, что такой центр необходим. Он нужен для организации добровольного обмена услугами между жителями — выявления спроса и предложения на разные услуги, налаживания связей между участниками обмена, обеспечения порядка обмена и т.п. Отрицательно отнеслись к идее создания центра лишь 6–7% респондентов. Жители поселков не только поддержали идею создания центра взаимной социальной помощи, но и выразили готовность участвовать в его работе. Так, 47% опрошенных в поселке №1 и 39% в поселке №2 заявили о своем желании оказывать услуги и получать их в центре.

За рубежом обмен услугами осуществляется в рамках сетей LETS (Local Exchange Trading System) [21]. Назначение сетей заключается не только в улучшении качества жизни их членов, но и в налаживании более благоприятных взаимоотношений между ними. Члены сетей, которые являются неприбыльными общественными организациями (численностью от 10 до 1 000 человек), платят небольшие годовые взносы, покрывающие текущие расходы. Перечень услуг, предоставляемых в рамках сетей, весьма разнообразен. Например, в Англии их насчитывается около 1 000 видов.

Использование зарубежного опыта по обмену услугами, накопленного в рамках сетей LETS, весьма актуально не только для территориальных общностей пострадавших поселков, где подобный обмен осуществляется спонтанно и гораздо менее эффективно, но и для других территорий Украины, переживающих трудности трансформационного периода.

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что соседские связи являются важной детерминантой общественной активности жителей поселков. Значительная их часть осознает роль соседских связей как фактора выживания. В трудной жизненной ситуации каждый третий–четвертый житель рассчитывает на помощь соседей (после себя самого, семьи и друзей).

Как известно, условием выживания является “умение выбирать тех, кому можно и нужно доверять” [20, с. 263]. Весьма показательно, что в обстановке общего кризиса доверия, который существует в украинском обществе [20, с. 272], своим соседям доверяет немало людей (в поселке №1 — 58%, в поселке №2 — 64%). Позитивную оценку соседским взаимоотношениям дали примерно три четверти респондентов.

Таким образом, в экстремальных условиях совместное проживание и практикуемые на уровне соседства многообразные формы самоорганизуемой деятельности приобретают для жителей поселков особый (жизненно важный) смысл, ибо создают защитное поле для выживания.

Критические условия жизнедеятельности возрождают социокультурное наследие — социальные связи, основанные на традиционных ценностях восточных славян (что подтверждает их прочность). Суть таких связей в опоре людей на ближайшее окружение, с подобными условиями жизни и нуждами, использование ресурсов социального капитала — взаимодоверия, взаимоподдержки, взаимопомощи, взаимобязательств, что обеспечивает сотрудничество и возможность совместного выживания. В экстремальной ситуации происходит спонтанное обращение людей к традиционной форме народной жизни — соседской общине (сообществу). Это обуславливает ее жизненную необходимость в условиях дефицита ресурсов и создает предпосылки для организованного вовлечения и участия соседских сообществ в процессах преобразований на локальном уровне.

Значительная часть жителей поселков предрасположена к активности — общественно полезной работе по месту жительства, решению локальных проблем. Об этом свидетельствуют данные о трех потенциально возможных типах их поведения, выявленных в исследовании — активном, пассивном и неопределенном¹.

Активный тип поведения характеризуется выраженным желанием респондентов участвовать в общественно полезной работе по месту жительства, стремлением самостоятельно за счет собственных усилий менять что-либо в условиях жизни в поселке (на улице, во дворе дома), готовностью добиваться включения своих предложений в программу развития поселка или поддерживать предложения других жителей.

Пассивный тип поведения отличается отсутствием у респондентов желания участвовать в общественно полезной работе по месту жительства и самостоятельно менять что-либо в условиях жизни в поселке (на улице, во дворе дома), равнодушным отношением к вопросам, связанным с перспективой развития поселка.

Неопределенный тип поведения присущ респондентам, у которых наблюдается неопределенность желаний и стремлений в связи с возможным участием в общественно полезной работе по месту жительства и возмож-

¹ Использовались эмпирические индикаторы, которые фиксировали: а) желание респондентов участвовать (продолжить участие) в общественно полезной работе по месту жительства, измеряемое по пятибалльной шкале; б) стремление участников опроса самостоятельно изменять что-либо в условиях жизни в поселке (на своей улице или во дворе своего дома), измеряемое по трехбалльной шкале; в) готовность респондентов участвовать в обсуждении программы развития поселка и вносить в нее свои предложения, измеряемая по пятибалльной шкале. На основе количественно-качественного анализа полученных данных были сконструированы три сводных показателя.

ностью самостоятельно менять что-либо в условиях жизни в поселке (на улице, во дворе дома). Характерна неопределенность позиции относительно того, стоит ли вносить свои предложения в программу развития поселка.

Несмотря на то, что доля пассивных жителей довольно велика (в поселке №1 — более трети, а в поселке — №2 около половины), в обоих населенных пунктах имеется определенный потенциал активности. Так, склонны участвовать в общественно полезной работе по месту жительства 34% респондентов в поселке №1 и 24% — в поселке №2. Удельный вес участников опроса, которые по критерию активность-пассивность занимают неопределенное (промежуточное) положение, составляет 31%. Весьма вероятно, что при создании условий, стимулирующих развитие местных инициатив, какая-то часть жителей из этой группы также проявит активность.

Наличие предпосылок для вовлечения граждан в общественно полезную работу по месту жительства подтверждается данными из других источников. Так, исследования Центра им. Разумкова показывают, что почти каждый третий житель Украины (31,8%) отдает предпочтение работе по приведению в порядок жилья и близлежащей территории (среди прочих видов общественной деятельности), то есть в условиях всеобщей общественной пассивности больше всего люди ценят формы гражданской активности, приносящие относительно небольшую “локальную”, но ощутимую реальную пользу (Зеркало недели. — 2002. — 26 октября).

Представляется, что определенная часть жителей поселков, из числа тех, кто по собственной инициативе практикует различные виды самоорганизуемой общественно полезной деятельности в составе неформальных соседских групп, уже готова к тому, чтобы объединиться в рамках общественных организаций, решающих локальные проблемы по месту жительства. Такими организациями могут быть реорганизованные радикальным образом (то есть преобразованные в специфические общественные структуры) органы самоорганизации населения — домовые, уличные, квартальные и прочие комитеты. Однако необходимых условий (правовых, финансовых, информационных, методических и др.) для организации по месту жительства общественных структур типа НГО, представляющих интересы соседских сообществ, пока нет.

Весьма актуальным является взаимодействие и сотрудничество всех структур, органов, организаций (общественных, частных, властных и пр.), заинтересованных в решении локальных проблем и местном развитии. Необходимая предпосылка для этого — учет органами местного самоуправления интересов членов территориальных общностей. Но, по мнению большинства респондентов (от 60% до 67%), райисполкомы и горисполкомы действуют без учета интересов жителей поселков. Это свидетельствует о том, что между властью и гражданами (точнее, населением) реализуются субъект-объектные отношения, основанные на вертикальных связях, что блокирует процесс формирования субъектности территориальных общностей. Такие отношения расцениваются специалистами как неравноправные, патрон-клиентские, а значит, слабые и гораздо менее эффективные для развития местных сообществ, чем отношения партнерского сотрудничества, основанные на горизонтальных связях и получившие распространение в странах Запада [22]. Представляется, что отношения “вертикальной иерархии”, характерные как для современной Украины, что отмечается многими

авторами [23; 24, с. 254; 25, с. 276; 6, с.31 и др.], так и для ее исторического прошлого [23 и др.], весьма вероятны и в обозримом будущем¹.

Итак, результаты выполненного нами исследования позволили установить следующее. Среди устойчиво воспроизводящихся социально-ценностных структур, обуславливающих социокультурную специфику организационного строения общины как субъекта деятельности, основными являются:

- недифференцированная на группы интересов социальная структура (имеющая тенденцию к поляризации), что не позволяет формироваться представляющим эти интересы гражданским объединениям (НГО);
- субъект-объектные неравноправные отношения “вертикальной иерархии” между властью и населением, которые блокируют формирование горизонтальной сетевой организационной структуры общины и, тем самым, ее трансформацию в субъект деятельности и саморазвития;
- первичные самоорганизующиеся структуры — спонтанно возникающие неформальные соседские группы, представляющие интересы соседских сообществ и практикующие различные виды общественно полезной деятельности по месту жительства.

Исследование показало, что соседские сообщества представляют собой весьма устойчивые организационные структуры, поскольку укреплению органичных взаимосвязей, обусловленных непосредственной территориальной близостью, общими условиями жизни, проблемами и нуждами, способствуют традиционная взаимопомощь, взаимоподдержка и сотрудничество их членов, что обеспечивает возможность совместного выживания. Это подтверждается еще и тем, что, несмотря на проявления преимущественно ситуативной субъектности (чаще всего являющиеся реакцией на те или иные форс-мажорные обстоятельства), именно в соседских группах были обнаружены элементы совместной самоорганизуемой деятельности, характерной для устойчивого типа субъектности (совместное принятие и реализация решений и др.). Тот факт, что стратегия выживания (то есть преодоления некоторой критической ситуации) реализуется благодаря соседскому взаимодействию и сотрудничеству, свидетельствует о том, что соседские связи способны стать структурообразующей компонентой системы отношений в современной украинской территориальной общине.

Самоорганизующиеся соседские группы — это наиболее устойчивые первичные структурные элементы, которые отражают внутреннюю логику самоорганизации, самодвижения и трансформации украинской территориальной общности в общину. Представляется, что именно они способны выступить в роли катализатора процесса организационно-структурного оформления общности/общины и обеспечить ее становление в качестве субъекта деятельности и саморазвития. Это находит подтверждение в трудах ряда ученых. Так, У.Хэд [29], А.Макхиджани [30, с.134–142], Д.Кортен [31, с.61–63], С.Дасгупта [32] и др. рассматривают развитие традиционных об-

¹ Российские ученые — В.Ядов [26], И.Яковенко [27], А.Ахиезер [28] и др. — квалифицируют отношения, основанные на вертикальных взаимосвязях власти и населения, как историко-культурное наследие. Их существование в настоящем и весьма вероятное сохранение в будущем объясняются социокультурной спецификой России.

щинных соседских связей, разрушенных индустриализацией, как основную альтернативу глобализации, а Э.Гидденс [33] — как “третий путь”.

В Украине, вследствие игнорирования в социальной практике западной модели территориальной общины и отсутствия собственной органичной модели, в условиях кризиса возродились традиционные формы общинных связей и взаимодействия, расцениваемые некоторыми авторами как архаичные (при этом под “архаикой” подразумевается нечто отжившее, косное, препятствующее развитию). Такую точку зрения разделяют некоторые украинские специалисты (например, Н.Соболева [20, с. 54]), а также многие российские (А.Ахиезер [28], И.Яковенко [34], В.Виноградский [35] и др., придерживающиеся либеральной ориентации. По их мнению, возрождение общинных связей и структур недопустимо, поскольку ведет к архаизации общества и, как следствие, к дезинтеграции, расколу, хаосу и т.п. С этим можно согласиться лишь в том смысле, что данные связи, как правило, имеют неорганизованный, спонтанный характер и, с точки зрения западного рационализма, действительно являются неэффективными.

Преобладание априорной ценностной установки (негативной или позитивной) в отношении собственного социокультурного наследия приводит к тому, что на уровне теоретического анализа и управленческой практики упускается, в частности, принципиально важное понимание того, что развитие (саморазвитие) местных сообществ возможно лишь при опоре на глубинные системообразующие механизмы социальной самоорганизации, отражающие их социокультурные особенности. Собственно, только благодаря пониманию и использованию этих механизмов можно обеспечить устойчивость развития. В Украине глубинные механизмы социальной самоорганизации на локальном уровне, как показало выполненное исследование, существенно отличаются от западных, а спонтанно проявляющаяся “архаика” является ценнейшим материалом для их изучения.

О плодотворности соединения “культурной традиции с достижениями индустриального мира” свидетельствует опыт Японии. О.Шкаратан, разделяя мнение других авторов, отмечает, что в этой стране для осуществления скачка в современность “...не стали уничтожать отличавшуюся высокой солидарностью общину — архаистскую коллективистскую структуру, а, напротив, использовали ее как канал реализации целей государства, способный ответить на задачу либерализации экономики лучше, чем еще не сформировавшийся индивид и еще не сложившееся гражданское общество” [36, с. 33].

Таким образом, проблема выбора между современной рациональной, но не работающей в украинских условиях западной моделью общинной организации, и нерациональной, но все-таки работающей “архаикой” является, по сути, псевдопроблемой, которая не может иметь удовлетворительного решения. Необходимы рационализация и повышение продуктивности тех социально-ценностных структур (механизмов), в рамках которых происходит реальное взаимодействие членов территориальных общностей. При этом в качестве главных критериев оценки их значимости следует использовать типичность (распространенность) и устойчивость проявления, а никак не “архаичность” и степень соответствия их западным образцам. На их основе, весьма вероятно, можно “вырастить” действительно устойчивые и эффективные функциональные аналоги западных общинных структур, способные стать основой трансформации территориальной общности в общину — субъект деятельности и саморазвития (следует, однако, отметить, что

дальнейшее продвижение в этом направлении потребует использования структурно-функционального подхода).

Представляется, что, в отличие от человека западного типа, украинец скорее склонен включаться в те сети взаимоотношений, которые естественным образом “складываются”, чем активно формировать разнообразные самоорганизуемые гражданские структуры (НГО) для реализации собственных потребностей и интересов. Локализация социальной активности преимущественно в рамках соседских сетей — тому подтверждение. Это никоим образом не говорит о социальной пассивности украинцев — ведь и на Западе соседские сообщества играют значительную (хотя и не ведущую) роль в общинном развитии. Пожалуй, здесь более уместно говорить об особом значении соседских сообществ в становлении украинской общины, о том, что активизация деятельности граждан на местном уровне может осуществляться в основном не за счет индивидуальной самоорганизации, а при помощи и в рамках тех самоорганизуемых социальных микроструктур, в которые индивид естественно включается в процессе жизнедеятельности.

Изложенное авторами понимание социокультурной специфики организационного строения общины как субъекта деятельности не претендует на исчерпывающую полноту и может рассматриваться лишь как первый шаг в исследовании процессов, происходящих в украинских территориальных общностях/общинах. Проведение дальнейших исследований в этом направлении — необходимое условие формирования эффективной государственной политики в области местного самоуправления и развития.

Литература

1. Розвиток місцевого самоврядування в Україні в період між виборами до Верховної Ради та органів місцевого самоврядування : Матеріали круглого столу, 16 січня 2002 року // Аспекти самоврядування. — 2002. — № 1 (13).
2. Біленчук П.Д., Кравченко В.В., Підмогильний М.В. Місьцеве самоврядування в Україні (муніципальне право) : Навчальний посібник. — К., 2000.
3. Камто В. Відносини між міською владою і територіальною громадою: від взаємовідчуження до партнерства // Економічний часопис. — 2000. — № 5. — С.21–22.
4. Пухтинський М. Наміри — “революційні”, а дії — “еволюційні”? // Людина і влада. — 1999. — № 5. — С.46–48.
5. Шаповал В. Сутнісні характеристики місцевого самоврядування // Право України. — 2002. — № 3. — С.48–54.
6. Що закон грядущий нам готує? // Аспекти самоврядування. — 2002. — № 4 (16). — С.30–34.
7. Європейська хартія про місьцеве самоврядування // Віче. — 1993. — № 6. — С.33–39.
8. Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. — СПб., 1999.
9. Григорьев В. Идеиные и институциональные истоки местного самоуправления в Украине // Юридический вестник. — 1998. — № 2. — С.76–81.
10. Закон України “Про органи самоорганізації населення” // Офіційний вісник України. — 2001. — № 32.
11. Громади України: на шляху відродження. — К., 2002.
12. Штомпка П. Социология социальных изменений. — М., 1996.
13. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: начала нелинейного мышления // Общественные науки и современность. — 1993. — № 2. — С.38–51.

14. Бевзенко Л.Д. Соціальна самоорганізація: надія чи загроза? // Людина і влада. — 2000. — № 11/12. — С.70–76.
15. Латин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. — 2000. — № 7. — С.3–12.
16. Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социологические исследования. — 2002. — № 12. — С.23–32.
17. Глазычев В.Л. Представления о городе и технологии управления средовым развитием // Школа муниципального служащего 1–13 ноября 1998 г. : Сборник учебных материалов. Сер. “Библиотека муниципального служащего”. Вып. 14. — М., 1999.
18. Гальчинський А.С., Гець В.М., Кінах А.К., Семіноженко В.П. Інноваційна стратегія українських реформ. — К., 2002.
19. Зміцнюючі коріння громадянського суспільства в Україні: результати інноваційного дослідницького проекту за участю представників громадянського суспільства в визначенні рівня здоров'я громадянського суспільства в Україні // Проект CIVICUS Index on Civil Society. — 2001. — Серпень.
20. Соболева Н.І. Соціологія суб'єктивної реальності. — К., 2002.
21. LETS Info Pack. The UK Lets development agency. — Portsmouth, 1997.
22. Патнам Р. Д. Творення демократії. — К., 2001.
23. Донченко О., Романенко Ю. Архетипи соціального життя і політика (Глибинні регулятори психосоціального повсякдення). — К., 2001.
24. Степаненко В.П. Образи “громадянського суспільства” у вітчизняному соціологічному теоретизуванні та політикумі // Проблеми розвитку соціологічної теорії. Наукові доповіді і повідомлення першої Всеукраїнської соціологічної конференції. — К., 2001. — С.252–256.
25. Цветков В.В., Горбатенко В.П. Демократія — Управління — Бюрократія: в контексті модернізації українського суспільства. — К., 2001.
26. Ядов В.А. А все же умом Россию можно понять // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А.Ядова. — М., 2001.
27. Яковенко И.Г. Российское государство: дополнительность социального и культурного анализа // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А.Ядова. — М., 2001. — С.167–179.
28. Ахизер А.С. Специфика исторического пути России. — http://www.libertarium.ru/libertarium/l_pp_ahieser
29. Head W.A. Community Development in Post-Industrial Society: Myth or Reality? // Community Development. Theory and Method of Planned Change / Ed. by D. A.Chekki. — S.l., 1987.
30. Макхиджани А. От глобального капитализма к экономической справедливости. — Новосибирск, 2000.
31. Хисамов И. Рыночная ересь капитализма. Интервью с Д. Кортоном // Эксперт. — 2002. — № 26. — С.58–63.
32. Dasgupta S. Three Models of Community Development // Community Development. Theory and Method of Planned Change / Ed. by D. A.Chekki. — S.l., 1987.
33. Giddens A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy. — Cambridge, 1998.
34. Яковенко И.Г. Механизм нормативизации ценностей в культуре, их конфликт в сегодняшней ситуации. Семинар № 11 // Социокультурная методология анализа российского общества. Независимый теоретический семинар. Москва, 1997. — <http://scd.centro.ru/index.html>
35. Виноградский В.Г. “Орудия слабых”: неформальная экономика крестьянских домохозяйств // Социологический журнал. — 1999. — № 3/4.
36. Шкаратан О.И. Русская культура труда и управления // Общественные науки и современность. — 2003. — № 1. — С.30–53.